
Апреля не было, а был бетонный дом,
и Седаковой непомерный том
торжественную участь параллелил.

Горели смсок пропуска,
полиция вертелась у виска,
но маски и перчатки осмелели.

А прели не было, пришёл цветущий май –
последнего луча не отнимал,
под окнами звуча крапивной елью.

И еле-еле в этот календарь
любил всех нас любимый государь,
но мы крепчали и макнавелли.

Звонкая синица,
словно напоследок,
бесконечно снится
в канонаде веток.

Гарь грачей и копоть –
на дубовой коже,
а сосулькам хлопать
по плечам прохожих.

Где снимает скальпы
с зимних крыш погода,
солнцу зубы скалю –
мне четыре года.

От того апреля
никуда не деться –
я весной расстрелян
при попытке к детству.

Снег поскользнулся и упал –
лежит, лицом белеет,
беднягу давят, как клопа,
сапожки по аллее.

Грядёт лопата и насвай,
и соль на эти раны...
Ох, дворник, ты уж не вставай
сегодня слишком рано!

КРЕЩЕНИЕ – 2020

Ногам – асфальт, а голове – дожди,
в январских лужах плещется крещение,
в купелях тонкошение вожди
лебяжьим телом затыкают щели.

Задумчив Петропавловский собор,
стоит в лесах, но в этой глухомани
растёт до звёзд его барочный бор
и красных рыб колоколами манит.

На все грехи всего себя ограбь,
плавь туда, где с ветхого завета
торчащая колодезная рябь
пробьёт любую кожу домоседа.

Всенощное свечение воды
всей толщей волшебства так жабры сдавит –
что ты не сможешь в чудо не войти
и окунуться в православный дайвинг.

А не в княжеско-невском ли имени
покопаться, коль шут и не трус?
На задворках Москвы, во Владимире –
нарасхват домонгольская Русь.

Вот пшенично-тяжёлыми вязями
шелестя по шершавым углам,
Красно Солнышко бродит над Клязьмою,
проедая всю плешь куполам.

И плескает успенская звонница
гулкий зов до заокских краёв,
и в мятущейся светлой бессоннице
штукатурствует снова Рублёв.

Встрепенулись князя Долгорукие,
Боголюбские строятся в ряд,
и над городом вместе с хоругвями
Золотые Ворота парят.

Но тускнеет Ярило за тучами
и другое глазам навезло:
Мономахом по шапке получено,
сиротее Большое Гнездо.

То ль поляки подянку устроили,
то ль литовца доносится хруст –
тяжела невесомость истории,
весела постмонгольская грусть.

ЕКАТЕРИНБУРГ

Вот ночь. И к ней луна приделана.
И пахнет звёздами вокруг.
Такими тайными пределами –
по рельсам в Екатеринбург.

Мы обойдём платину с севера,
пока свинцом не напекло,
мы разобьём стихи о дерево,
резной наличник и стекло.

Пока над садом Харитоновским
не начала заря лысеть,
мы вознесёмся в эти отблески
и уплывём с тобой в Исеть.

Охрипшими шагами коротко
/я ваших гор не воровал/
проходим красной нитью города,
сшивая за собой Урал.

И вот, над башнями висоцкими,
безбашенно достигнув дна,
лишь из аллюзий прочно сотканы,
поймём ли смысла второго дня? –

когда уже свобода роздана,
ты правдой больше не криви
в невяновских чертогах Ройзмана,
где спайс разрушен на крови.

ЯСТРЕБ НАСМЕРТЬ

К.А.

В небе петелька – ты, как чудесный блик.
Ястреб осенний клюв превращает в крик.

Птице не снится бродский и белый шум,
вон, я на ветке тоже петлёй вишу.

Стонут петельки. И на разрыв души
«не уезжай», – в горле моём першит.

Но уезжала. Но убывала прочь.
Рельсы да шпалы, грохот в сырую ночь.

В каменном небе крымской волной косой
сладко на рану сыпала соль Ассоль.

Иногда умираешь, но остаёшься живым,
получаешь ф-письма и м-телеграммы,
смотришь на почерк, осязаешь нажим
и всю глубину эпистолярной драмы.

Можно ответить скупо, без новизны,
спрятав клавиатуру под толстой кожей,
ибо за пятый месяц этой весны
сизый конверт слишком уж четверо сложен.

Марку наклеишь – вышлет Aliexpress
самой последней модели отличный вирус –
дома качать дутого кресла пресс,
в окна смотреть, мысли носить на вырост.

Волен душою во четырёх стенах
воздух читать в тайной скрижали птицы.
Голубь почтовый пишется словом страх
и смской на телефон садится.

М.Н.

Пусть это будет хорошо,
и пусть нехорошо –
живи свободой небольшой,
дыши судьбой большой.

В любви порочной костеней,
а в светлой отмокай,
пусть пишет заново о ней
твой пушкин, твой тукай.

Пусть будет небо и земля,
и боль, и страх, и смерть.
Пусть будет только строчка для
того, чтобы успеть.

Себя научишься прощать,
поймёшь откуда грусть:
мы курим тексты натоцак
и пьём их наизусть.

моё дело дрожать говорит мне февральский пёс во дворе
моё дело гореть дрожит под шапочкой снега рябина
моё дело в шляпе говорит мне старый шапочник поглаживая длинношерстного февральского пса
моё дело труба лает пёс помечая рябину

только точки и снег
только длинного сердца тире
только пёс и следы
только всполох рябины на лысине старого мастера
и труба и труба и труба задыхается дымом

моё тело дрожать если пёс превращается в шапку
моё тело гореть если капли рябины пустырник
моё тело под шляпой всего лишь двойное тире
дальше
точки и снег
дальше
пёс и следы

моё тело табак
тлеть и тлеть тлеть и тлеть тлеть и тлеть